

(PHILOSOPHY)

Бертран
РАССЕЛ

История
западной
философии

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 173
ББК 87.7
Р 24

Серия «Философия — Neoclassic»

Bertrand Russell
A HISTORY OF WESTERN PHILOSOPHY

*Подготовка текста и научное редактирование
В. В. Целищева*

*Перевод с английского
В. В. Целищева (глава «Карл Маркс»)*

*Серийное оформление и дизайн переплета —
А. А. Кудрявцев, А. Б. Ткаченко, студия «FOLD & SPINE»*

Печатается с разрешения издательства Routledge, a member of the Taylor & Francis Group, copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

Рассел, Бертран.

Р24 История западной философии / Бертран Рассел; [перевод с английского]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 1024 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN978-5-17-098388-9

Бертран Рассел (1872–1970) — лауреат Нобелевской премии по литературе, математик, общественный деятель и один из величайших философов XX века, автор знаменитых работ «Проблемы философии», «Человеческое познание: его сфера и границы», «Азбука относительности», «Брак и мораль» и «История западной философии».

«История западной философии» — самый известный, фундаментальный труд Б. Рассела. В нем он прослеживает развитие философских взглядов от возникновения греческой цивилизации и до 20-х годов двадцатого столетия.

УДК 173
ББК 87.7

© Bertrand Russell, 1945
© Перевод (глава «Карл Маркс»). В. В. Целищев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

КНИГА ПЕРВАЯ
ДРЕВНЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Предисловие

Чтобы эта книга могла избежать более суровой критики, чем та, которую она, несомненно, заслуживает, необходимо сказать несколько слов в качестве извинения и объяснения.

Извинения необходимо принести специалистам по тем или иным философским школам или отдельным философам. За исключением, возможно, одного лишь Лейбница, любой из тех философов, которых я рассматриваю в данной книге, некоторым другим специалистам известен гораздо лучше, чем мне. Если, однако, книги, охватывающие весьма широкие области знания, должны все-таки писаться, то неизбежно, поскольку мы не бессмертны, что те, кто сочиняет подобные книги, должны затрачивать меньше времени на любую их часть, чем, может быть, затрачивается авторами, которые сосредоточивают основное свое внимание на отдельной личности или каком-либо коротком периоде времени. Некоторые, чья ученая строгость непреклонна, сделают заключение, что книги, охватывающие весьма широкие области, вообще не должны писаться или, если они все же пишутся, то их следует составлять из монографий большого числа авторов. Однако сотрудничество многих авторов связано с известными изъянами в изложении истории философии. Если имеется какое-либо единство в развитии истории, если существует внутренняя связь между тем, что было раньше, и тем, что имело место позже, то для изложения этого совершенно необходимо, чтобы ранний и поздний периоды были синтезированы одним ученым. Человеку, изучающему Руссо, будет, по-видимому, трудно отдать должное той связи,

которая существует у Руссо со Спартой Платона и Плутарха, историк же Спарты не мог пророчески предвидеть Гоббса, Фихте или Ленина. Выявление таких связей и представляет собой одну из целей, стоящих перед автором настоящей книги. Поставленная цель может быть достигнута только в обширном обозрении.

Написано много историй философии, но ни одна из них, насколько мне известно, не преследовала такой цели, какую я выдвигаю перед собой. Философы являются одновременно и следствиями и причинами — следствиями социальных обстоятельств, политики и институтов того времени, к которому они принадлежат, и причинами (в случае, если те или иные философы удачливы) убеждений, определяющих политику и институты последующих веков. В большинстве историй философии каждый мыслитель действует как бы в пустоте; его взгляды излагаются изолированно, исключая, самое большее, связь их с воззрениями более ранних философов. Я же со своей стороны каждого философа пытаюсь рассматривать (насколько это возможно сделать, не отходя от истины) в качестве продукта окружающей его среды, то есть как человека, в котором выкристаллизовались и сконцентрировались мысли и чувства, свойственные обществу, частью которого он является.

Это привело к тому, что в книгу включены некоторые главы, относящиеся к чисто социальной истории. Никто не сможет понять стоиков и эпикурейцев без определенного знания эпохи эллинизма или схоластов без хотя бы беглого анализа истории развития церкви с V по XIII столетие. Поэтому я коротко излагаю те моменты основных направлений исторического развития, которые, по моему мнению, оказали наибольшее влияние на философскую мысль, и с возможной полнотой освещаю, может быть, незнакомые некоторым читателям периоды истории; это касается, например, раннего Средневековья. Но из этих исторических глав я строжайшим образом выбрасываю все, что имело небольшое отношение или вовсе не имело никакого отношения к философии данного или последующего периода.

Проблема отбора материала для такой книги, как эта, порождает весьма большие трудности. Лишенная подробно-

стей, книга становится сухой и неинтересной, обилие же деталей включает в себе опасность сделать ее невыносимо длинной. Я стремился к компромиссу, исследуя воззрения только тех мыслителей, которые, на мой взгляд, имеют выдающееся значение, и упоминания в связи с ними о таких деталях (даже если они не являются определяющими), которые представляют ценность ввиду их иллюстративного и оживляющего характера.

Философия начиная с древнейших времен была не просто делом школ или споров между небольшими группами ученых людей. Она являлась неотъемлемой частью жизни общества, и как таковую я и старался ее рассматривать. Если предлагаемая книга обладает какими-либо достоинствами, то источником их является указанная точка зрения.

Своим существованием эта книга обязана д-ру Альберту С. Бэрнесу, будучи первоначально задумана и частично прочитана в виде лекций на основе фонда Бэрнеса в Пенсильвании.

Как и при написании большинства моих сочинений, начиная с 1932 года мне все время оказывалась большая помощь в исследовательской работе, а также во многих других отношениях моей женой Патрицией Рассел.

Бертран Рассел

Введение

Концепции жизни и мира, которые мы называем «философскими», являются продуктом двух факторов: один из них представляет собой унаследованные религиозные и этические концепции, другой — такого рода исследования, которые могут быть названы «научными», употребляя это слово в самом широком смысле. Отдельные философы сильно различаются между собой в зависимости от пропорции, в какой эти два фактора входили в их систему, но наличие обоих является в определенной степени тем, что характеризует философию.

«Философия» — слово, которое употреблялось во многих смыслах, более или менее широких или узких. Я предлагаю употреблять это слово в самом широком смысле, который и попытаюсь теперь объяснить.

Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *определенное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на

них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи, или он обладает независимыми силами? Имеет ли Вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли Вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы, или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой, — просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Теологи претендовали на то, чтобы дать на эти вопросы ответы и притом весьма определенные, но самая определенность их ответов заставляет современные умы относиться к ним с подозрением. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, — дело философии.

К чему тогда, можете вы спросить, тратить время на подобные неразрешимые вопросы? На это можно ответить и с точки зрения историка, и с точки зрения личности, стоящей перед ужасом космического одиночества.

Ответ историка, постольку, поскольку я способен его предложить, будет дан на протяжении этой работы. С того времени как люди стали способны к свободному размышлению, их действия в бесчисленных важных аспектах оказались в зависимости от их теорий относительно природы мира и человеческой жизни и от теорий о том, что такое добро

и что такое зло. Это так же верно относительно настоящего времени, как и относительно прошлого. Чтобы понять эпоху или нацию, мы должны понять ее философию, а чтобы понять ее философию, мы должны сами в некоторой степени быть философами. Здесь налицо взаимная обусловленность: обстоятельства жизни людей во многом определяют их философию, но и наоборот, их философия во многом определяет эти обстоятельства. Это взаимодействие, имевшее место в течение веков, будет предметом последующего изложения.

Есть, однако, и более личный ответ. Наука говорит нам, что мы способны познавать, но то, что мы способны познавать, ограничено, и если мы забудем, как много лежит за этими границами, то утратим восприимчивость ко многим очень важным вещам. Теология, с другой стороны, вводит догматическую веру в то, что мы обладаем знаниями там, где фактически мы невежественны, и тем самым порождает некоторого рода дерзкое неуважение к Вселенной. Неуверенность перед лицом живых надежд и страхов мучительна, но она должна сохраняться, если мы хотим жить без поддержки утешающих басен. Нехорошо и то и другое: забывать задаваемые философией вопросы и убеждать себя, что мы нашли бесспорные ответы на них. Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, — это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею.

Философия как нечто отличное от теологии возникла в Греции в VI веке до н. э. Пережив свою историю в античную эпоху, она снова, в эпоху возникновения христианства и падения Рима, была поглощена теологией. В течение своего второго великого периода, от XI до XIV века, она испытывает господство католической церкви, если не говорить о многих великих мятежниках, таких, как император Фридрих II (1195—1250). Этому периоду был положен конец тем хаосом, который достиг своего кульминационного пункта в эпоху Реформации. Третий период — начиная с XVII столетия и вплоть до нашего времени — в большей степени, чем какой-либо из предшествующих, находится под влиянием науки. Традиционные религиозные верования сохраняют свое значение, но чувствуется необходимость их оправдания

и видоизменения всюду, где наука, по-видимому, требует этого. Немногие из философов этого периода являются ортодоксальными с католической точки зрения, в их теориях светское государство занимает более важное место, чем церковь.

Общественная связь и личная свобода, подобно религии и науке, находятся в состоянии конфликта или неустойчивого компромисса в течение всего этого периода. В Греции социальная связь обеспечивалась верностью по отношению к городу-государству; даже Аристотель, хотя в его время Александр сделал город-государство устаревшим явлением, не мог видеть какого-либо преимущества в другой политике. Степень, в какой индивидуальная свобода урезывалась долгом личности перед городом-государством, была весьма различна. В Спарте личность имела мало свободы, как это имеет место в современной Германии или России. Несмотря на эпизодические преследования, в Афинах в лучшие времена граждане обладали совершенно исключительной свободой от ограничений, налагаемых государством. Вплоть до Аристотеля в греческой мысли доминировало чувство глубокой религиозной и патриотической преданности городу-государству; ее этические системы были приспособлены к жизни *граждан* городов-государств и содержали в себе значительные политические элементы. Но концепции, соответствующие эпохе независимости греков, стали больше неприменимыми, как только греки оказались под властью сперва македонцев, а затем римлян. Это привело, во-первых, вследствие разрыва с традицией к утрате силы, а во-вторых, породило этику, более индивидуалистическую и менее общественную. Стоики рассматривали добродетельную жизнь скорее в плане отношения души к Богу, чем гражданина к государству. Таким образом, они расчищали путь христианству, которое первое время было, подобно стоицизму, аполитичным учением, поскольку в течение первых трех столетий приверженцы христианства не имели никакого влияния на правительство. В течение шести с половиной веков, начиная с Александра Великого и кончая Константином, общественная связь обеспечивалась вовсе не философией и не старинным чувством преданности, но силой, прежде всего силой армии,

а затем гражданской администрации. Римские армии, римские дороги, римское право и римские чиновники сперва создали, а потом охраняли мощное централизованное государство. Нельзя приписывать какую-либо роль римской философии в этом деле, потому что она не играла никакой роли.

На протяжении этого длительного периода греческие идеи, унаследованные от эпохи свободы, переживали процесс постепенного преобразования. Некоторые из старых идей, особенно те, которые мы должны рассматривать как специфически религиозные, выиграли сравнительно в своем значении; другие, более рационалистические, были отброшены в силу их несоответствия духу времени. Таким образом, поздние язычники видоизменяли греческую традицию, пока она не стала пригодной для слияния с христианским учением.

Христианство популяризировало важный взгляд, уже подразумевавшийся в учении стоиков, но чуждый общему духу античности: я имею в виду взгляд, согласно которому долг человека перед Богом является более настоящим, чем его долг перед государством¹. Взгляд, что «мы должны слушаться скорее Бога, чем Человека», как говорили Сократ и апостолы, пережил переход в веру Константина, потому что ранние христианские императоры были арианами или склонялись к арианизму. Когда же императоры стали ортодоксальными, этот взгляд канул в вечность. В Византийской империи он оставался в латентном состоянии, так же обстояло дело позднее и в Российской империи, которая заимствовала свое христианство из Константинополя². Но на Западе, где католические императоры были почти немедленно замещены (за исключением части Галлии) еретическими варварами-завоевателями, превосходство религиозного долга перед политическим сохранилось и в некоторой степени продолжает сохраняться в настоящее время.

¹ Этот взгляд был известен в более ранние времена: он высказывается, например, в «Антигоне» Софокла. Но до стоиков мало кто придерживался такого взгляда.

² Вот почему в современной России не считают, что нам следует повиноваться в первую очередь диалектическому материализму, а не Сталину.

Вторжение варваров на шесть веков положило конец существованию цивилизации в Западной Европе. Она еще теплилась в Ирландии, пока датчане не разрушили ее и там в IX веке, но прежде чем угаснуть совсем, она породила одну замечательную фигуру — Иоанна Скота Эриугену. В Восточной империи греческая цивилизация в неизменном состоянии, как в музее, просуществовала до падения Константинополя в 1453 году, но, кроме художественной традиции и юстиниановского кодекса римского права, Константинополь не дал миру ничего значительного.

В течение этого периода мрака, с конца V века до середины XI века, западноримский мир претерпел некоторые очень интересные изменения. Конфликт между долгом по отношению к Богу и по отношению к Государству, который принесло с собой христианство, принял форму конфликта между церковью и королем. Церковная юрисдикция папы распространилась на Италию, Францию и Испанию, Великобританию и Ирландию, Германию, Скандинавию и Польшу. Сначала за пределами Италии и Южной Франции контроль папы над епископами и аббатами был очень слаб, но со времени Григория VII (конец XI века) этот контроль стал реальным и действенным. С этого времени духовенство всей Западной Европы превратилось в единую организацию, управляемую из Рима и стремящуюся к власти умно и непреклонно. Духовенство обычно, вплоть до начала XIV столетия, одерживало победы в своих конфликтах со светскими властями. Конфликт между церковью и государством был не только конфликтом между церковниками и мирянами, он представлял собой также возрождение конфликта между средиземноморским миром и северными варварами. Единство церкви было повторением единства Римской империи: церковная служба велась на латинском языке, руководящие деятели церкви происходили по большей части из Италии, Испании или Южной Франции. Их образование после своего возрождения вновь стало классическим, их понятия о праве и правительстве были бы более понятны Марку Аврелию, чем современным им монархам. Церковь в своем лице сочетала одновременно преемственность по отношению к прошлому и все наиболее цивилизованное в настоящем.